
**ИЗ ИСТОРИИ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА**

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКИХ АССИГНАЦИЙ

© 2014 г. А.Н. Дубянский

(Санкт-Петербург)

В статье речь идет о сложной и противоречивой истории первых русских бумажных денег – ассигнаций. Они функционировали в российской экономике более 70 лет, начиная с 1769 г. и вплоть до 1843 г., и внесли значительный вклад в ее развитие. Ассигнации на протяжении всей своей истории служили практически единственным ресурсом для финансирования экономического развития российского государства. Благодаря ассигнациям Россия стала, по сути, первой европейской страной, использовавшей возможности бумажных денег при решении проблем государственных финансов. Автор раскрывает также положительные и отрицательные стороны первых российских бумажных денег.

Ключевые слова: ассигнации, русский рубль, бумажные деньги, Е.Ф. Канкрин, Екатерина II, М.М. Сперанский.

Классификация JEL: N10, N13, N23.

История практического применения бумажных денег в мировой экономике начинается, по сути, с начала XVIII в., т.е. с момента эксперимента Дж. Ло во Франции. Впоследствии теория и практика введения бумажных денег стала активно развиваться в различных странах: в США во времена Гражданской войны Севера и Юга в 1861–1865 гг., в Австрии, во Франции во времена Великой французской революции. Россия стала одной из первых стран в мире в XIX в. использовать бумажную валюту как постоянный ресурс из-за серьезных финансовых проблем. Существует устоявшееся мнение о том, что чем беднее страна, чем она слабее в финансовой сфере, следовательно, тем активнее в такой стране используются бумажные деньги для решения этих проблем. Русский экономист С.А. Фалькнер считал ошибочным такой параллелизм в оценках. По его мнению, если бумажные деньги являются по своей сущности кредитными деньгами, основанными на доверии, то в этом случае верным будет утверждение, что “...чем слабее в финансовом отношении государство, тем меньше могло бы оно пользоваться этим ресурсом, а чем солиднее его финансовая организация, тем шире возможности его использования, ибо, как известно, степень устойчивости государственного кредита всегда соответствует уверенности кредиторов в обеспеченности кредитруемых им сумм, а эта уверенность непосредственно определяется продуктивностью работы финансового аппарата государства” (Фалькнер, 1919, с. X). Следовательно, доверие к бумажным деньгам, как считает Фалькнер, проистекает от доверия к финансовым институтам государства в частности и к самому государству в целом. Парадоксальный вывод цитируемого автора состоит в том, что у стран, использовавших бумажные деньги, должны быть самые сильные финансовые структуры.

Именно в таком понимании сущности бумажных денег и их роли в экономике и хотелось бы рассмотреть историю русских ассигнаций. Обычно бытует другое мнение, что история русских бумажных денег “...представляет, как мы увидим вскоре, непрерывную историю болезни наших финансов” (Гольдман, 1866, с. 16). В таком ключе рассматривают ассигнации большинство исследователей (Мартынов, Чуднов, 2010). Однако в данной статье предпринята попытка рассмотреть историю русских бумажных денег в позитивном аспекте.

В течение своего почти семидесятилетнего периода развития ассигнации претерпели и взлеты, и падения. Любая история всегда нуждается в определенной периодизации. Самой удачной, на наш взгляд, является периодизация развития ассигнаций, предложенная известным русским государственным деятелем М.М. Сперанским. Он предлагал выделять в истории существования русских ассигнаций три эпохи, характеризующиеся различными тенденциями их развития, а именно:

- 1) время равенства (1769–1787);
- 2) время падения (1787–1815);
- 3) время повышения (1816–1840) (Сперанский 1895, с. 11).

Данная периодизация представляется наиболее подходящей при рассмотрении исторической ретроспективы существования русских ассигнаций, так как она отражала действительное положение в русском денежном хозяйстве. Поэтому статья, посвященная истории ассигнаций, будет опираться на периодизацию, предложенную М.М. Сперанским.

ВРЕМЯ РАВЕНСТВА АССИГНАЦИЙ СЕРЕБРЯНОМУ РУБЛЮ

Формально “отцом” русских бумажных денег может считаться Петр III, так как именно он подписал 25 мая 1762 г. указ об уничтожении именных векселей и о выпуске взамен их 5 млн *банковских билетов*. Эти банковские билеты должны были поступать в денежный оборот через Государственный банк с конторами, расположенными в Санкт-Петербурге и Москве. “Сим конторам вверяем мы теперь тотчас 2 000 000 рублей, один в серебряной, а другой в медной монете состоящие, прочие 3 000 000 рублей вступят в оные через три года, а именно в каждый год по миллиону” (ПСЗРИ, Т. 15, № 11.550). В этом же указе предписывалось “... чтобы сии и самом деле за наличную монету ходили, и как таковые во все Наши казенные сборы поступали, не исключая из того таможенных...” (ПСЗРИ, Т. 15, № 11.550), т.е. бумажным деньгам не предписывался принудительный курс, и они должны были быть только дополнительным средством обращения. Этот указ не был выполнен, так как в июне этого же года, как известно, в Ропше недалеко от Петербурга император был убит, и на российский престол с помощью гвардии взошла его жена Екатерина II, не подтвердившая проект выпуска бумажных денег как преждевременный.

Однако идея учредить в России бумажную валюту окончательно не умерла. Современный российский ученый А.Г. Коломиец замечает по этому поводу, что “при всей радикальности видимого разрыва с предшествующим царствованием... в делах государственных в конечном итоге во многом следовала путем, предначертанным ее неудачливым супругом” (Коломиец, 2012, с. 154). Уже в 1768 г. проект введения в оборот банковских билетов (банкоцеттелей) был изложен в Записке, представленной Екатерине II, по всей видимости, Я.Е. Сиверсом, так как авторство этого документа окончательно не установлено. Предполагалось, что с помощью банковских билетов можно было бы увеличить объем денежных средств для торгового оборота и первоначально “...проект учреждения ассигнационного банка не выставлял целью его основания восполнение нужд государственного казначейства” (Куломзин, 1866, с. 219).

Стоит отметить, что в России к этому времени уже были созданы технические и организационные предпосылки, необходимые для функционирования бумажноденежного обращения. Во-первых, в стране уже существовали первые банки, ставшие зачатками формирующейся банковской системы. Бумажные деньги в отличие от металлических не могут функционировать без банков. Во-вторых, отечественная промышленность смогла освоить современные для того времени технологии производства качественной бумаги для производства бумажных денег. Самый главный фактор, обуславливавший введение бумажных денег, – возросшие масштабы внутрироссийской торговли и протяженность ее территории. В России в последней трети XVIII в. эти условия были налицо.

Кроме того, в 1768 г. в России резко выросли военные расходы, связанные с началом Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., вызвавшие острую нужду в денежных средствах, а также увеличившимися расходами на обслуживание императорского двора. “Вследствие сего генерал-прокурор князь Вяземский представил проект о выпуске, вместо денег, ассигнаций...” (Куломзин, 1866, с. 219). Планы Я.Е. Сиверса и А.А. Вяземского были рассмотрены другими высшими сановниками и одобрены императрицей.

В итоге 29 декабря 1768 г. Екатерина II подписала манифест, которым она возобновляла бумажноденежный проект своего покойного супруга (рис. 1–3). Так утверждать позволяет тот факт, что в екатерининском законе были воплощены те же идеи и принципы, как и в указе Петра III. Разница заключалась только в нюансах. Так, например, указ Екатерины II изложен в более

Рис. 1. Первые русские ассигнации образца 1769 г.

эффектной и помпезной форме. В этом незначительном факте сразу проявляется отличие екатерининской эпохи от предшествующей.

Наименование бумажных денег в указе Екатерины II было использовано иное, чем в указе Петра III. “Что касается до названия *ассигнаций*, то оно дано было, потому что вошло в общее употребление со времени вексельного производства и вполне выражало ассигновку на ассигнационный банк, по которой Императрица принимала на себя и преемников престола обязательство “чинить всегда верный и исправный платеж” (Шторх, 1868, с. 31). Все вышеперечисленные отличия имели скорее косметический характер.

Главное же нововведение екатерининского указа заключалось в том, что Петр III создавал фонд из серебряных и медных денег для обеспечения бумажных. “Екатерина II избегла такой определенности, потому что серебряных денег обещать не могла, за недостатком их, а медных давать не хотела, чтобы не поставить их в противоположность к серебряным” (Шторх, 1868, с. 31–32). П.А. Шторх восхищался даром предвиденья императрицы, не взявшей на государство такое серьезное обязательство. По его мнению, именно это обстоятельство помогло ассигнациям

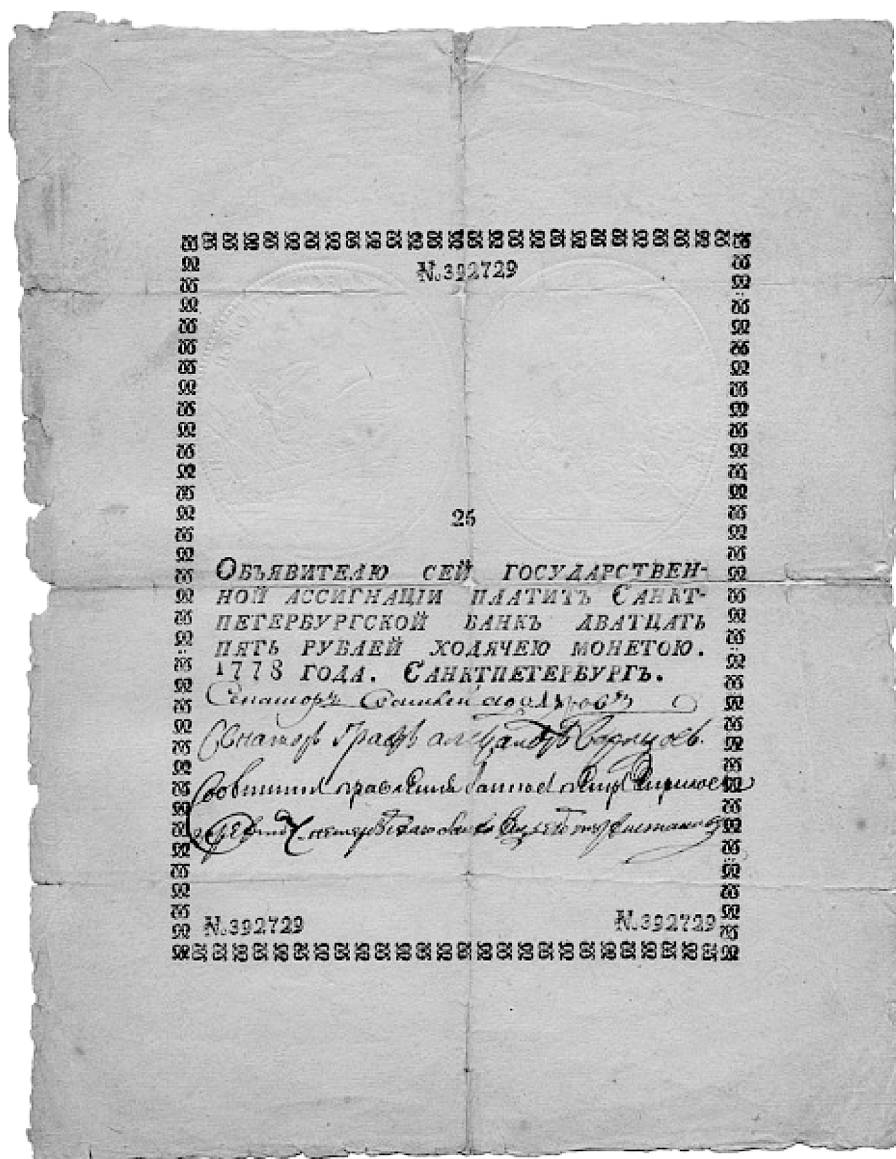

Рис. 2. Ассигнация образца 1778 г.

просуществовать сравнительно долгий период. Такого же мнения придерживался и А.Н. Миклашевский, утверждавший, что "...фактически ассигнации были уже с самого момента их появления неразменными бумажными деньгами, а цена их, по незначительности количества, поддерживалась спросом народного хозяйства на этот вид орудий обращения" (Миклашевский, 1895, с. 575).

Согласно уже упомянутому указу в феврале 1769 г. были организованы ассигнационные банки в Петербурге и Москве "для вымена ассигнаций". Основной функцией этих банков был обмен ассигнаций на металлические деньги, которые они принимали от населения. Впрочем, им вменялась и другая обязанность, обратная первой, т.е. выдавать металлические деньги. "Хотя банки для вымена государственных ассигнаций и именуются один Санкт-Петербургским, а другой – Московским, однако по существу своему составляют, так сказать, единое тело" (ПСЗРИ, Т. 18, № 13.219, 13.220). Другой задачей, ставившейся перед банками, было развитие и совершенствование денежного обращения в стране. Предполагалось, что ассигнаций "выдаваемо будет столько, а не более, как в банках капитала наличного состоять будет" (Чечулин, 1906, с. 332). В каждый банк правительство выделило по 500 000 рублей, и банки должны были выпускать

Рис. 3. Ассигнация образца 1779 г. (на фото видны элементы оформления)

ассигнации только в пределах выделенных фондов, а именно на 1 млн рублей. Из этого следует, что по существу эти кредитные организации не являлись эмиссионными банками, а были своего рода разменными кассами. Кроме того, формально сами ассигнации выпускал Банковский комитет при правительстве, а не эти банки.

В итоге можно констатировать, что по своим свойствам и условиям эмиссии ассигнации представляли собой дополнительные и – самое важное – более удобные средства обращения. Никакой самостоятельной роли они не играли, так как их количество определялось запасом серебряных рублей в банках для размена ассигнаций. Другими словами, ассигнации были представителями действительных денег, в частности в России они несли на себе отблеск серебряного рубля. С точки зрения представителей металлической теории денег, самостоятельными бумажными деньгами ассигнации не могли быть и по другой причине, так как не являлись: "... в одно и то же время мерилom стоимости и законным средством платежа" (Гольдман, 1866, с. 19). Они были, по мнению Гольдмана, лишь суррогатом полноценных металлических денег.

Еще один момент, пожалуй, самый важный, который не позволял считать русские ассигнации полноценными бумажными деньгами: они не обладали принудительным курсом. Другими сло-

Таблица 1. Бюджетный дефицит России в период 1787–1794 гг., рубли

Год	Доходы бюджета	Расходы бюджета	Дефицит бюджета
1787	46 564 708	55 666 665	9 101 957
1788	42 863 937	63 430 267	20 566 330
1789	44 090 424	67 284 697	23 194 273
1790	44 433 553	73 513 744	29 080 191
1791	42 974 038	70 060 488	27 086 450
1792	43 649 275	64 164 180	20 514 905
1793	44 796 290	57 028 647	12 232 357
1794	56 393 784	65 093 135	8 699 351
Итого			150 475 814

Источник: Мигулин, 1893, с. 25.

вами, государство не обязывало никого принимать ассигнации в качестве законного платежного средства в определенной пропорции к полноценным металлическим деньгам. Правительство настаивало лишь только на том, чтобы "...при всех казенных платежах свыше 500 рублей на каждые 500 рублей была вносима, по крайней мере, одна 25 рублевая ассигнация" (Чечулин, 1906, с. 323). То есть ассигнации имели так называемый податной курс, или, иначе говоря, ими можно было частично или полностью платить налоги.

С точки зрения полиграфического исполнения первые ассигнации были оформлены очень просто, если не сказать, примитивно. Они представляли собой листы белой бумаги с водяными знаками, на которых находился номер ассигнации, посредине – текст обязательства и соответствующий номинал (25, 50, 75 и 100 рублей), а также четыре собственноручные подписи: двух ответственных сенаторов, главного директора правления банков и директора одного из банков. Из-за такой слабой защиты ассигнации было легко подделывать. В первую очередь это относилось к ассигнациям 75-рублевого достоинства, так как их легко переделать из 25-рублевых ассигнаций (нужно было изменить только одну цифру). Поэтому вскоре от выпуска 75-рублевых ассигнаций отказались. Выбор был сделан в пользу 25-рублевых денежных знаков, что было обусловлено их большей популярностью среди населения ввиду более мелкого номинала.

На первых порах правительство вело себя очень осторожно в том, что касалось выпуска новых денег, чтобы их не дискредитировать, и поэтому проект поначалу вполне успешно развивался. Первоначально ассигнации обладали, как это раньше называли, "полным покрытием". Поэтому не было ничего удивительного в том, что русская публика встретила бумажные деньги с полным доверием; "курс их был от 100 до 103 за сто на монету" (Чечулин, 1906, с. 323). Впрочем столь благоприятная ситуация продолжалась недолго, что было обусловлено неустойчивостью бумажных денег, а вернее, склонностью властей к чрезмерной эмиссии. В стране остро ощущался дефицит денежных средств, в первую очередь для ведения практически перманентных войн. Накануне Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. правительство вынуждено было осуществить значительную эмиссию ассигнаций ввиду нехватки средств в казне. Из табл. 1 видно, что российский бюджет имел серьезный дефицит, доходивший до 30% расходной части.

16 марта 1786 г. был обнародован Манифест, предусматривавший обмен старых ассигнаций на ассигнации нового образца. В обращение были также выпущены ассигнации новых номиналов. "Во обеспечение хождению и оборотам денег, повелеваем установить ассигнации в 10 рублей и в 5 рублей, кои печатать для лучшего различения десяти рублевые на красной и пяти рублевые на синей бумаге разными образцами..." (ПСЗРИ, Т. 22, № 16.407). Обмен старых ассигнаций на новые начался с 1 сентября 1786 г. согласно положениям данного закона. Любой обладатель бумажных денег мог обменивать старые купюры на купюры новой эмиссии. Предусматривался также обмен ассигнаций старого образца и на металлические деньги. Хотя во всех официальных

документах речь шла об обмене на металлические деньги, под которыми подразумевались серебряные и медные деньги, но в реальности размен ассигнаций мог идти исключительно на медную монету, что мало кого вдохновляло на такой обмен. Выпуск новых ассигнаций был своеобразным пробным шаром, проверкой реакции публики на доверие к ним.

Ввиду того что российское общество достаточно спокойно приняло новые деньги, правительство сочло данный факт благоприятным знаком "...и полагало возможным, не подрывая кредита, умножить количество их [ассигнаций. – А.Д.] до 100 млн, тем более, что предстояла надобность в подкреплении средств казначейства" (Шторх, 1868, с. 36).

В июне того же года уже другим манифестом предполагался выпуск дополнительного количества ассигнаций на сумму 60 млн рублей, т.е. в полтора раза больше, чем было эмитировано до этого. Эти громадные деньги должны были пойти на следующие цели: 22 млн должны были пойти в качестве ссуд дворянам, еще 11 млн – городским магистратам, 50 млн на обмен старых ассигнаций, а оставшаяся сумма пошла на создание резервов на случай войны (ПСЗРИ, Т. 22, № 16.408, 16.481). Нетрудно предположить, как были израсходованы эти огромные средства, естественно, они были использованы, что называется, не по назначению. "Ссуды, розданные дворянам и городам, пошли, по словам многих исследователей, на спекулятивную стройку домов и способствовали развитию роскоши и расточительности" (Миклашевский, 1895, с. 576).

Еще все в том же Манифесте от 28 июня 1786 г. было торжественно провозглашено, что количество ассигнаций ограничивается суммой 100 млн рублей. Сделано это было в пышной помпезной форме, столь характерной для екатерининской эпохи. "Узаконяем Самодержавною от Бога Нам данною властью, и обещаем святостию слова Царского за Нас и Приемников Императорского Российского Престола, что число банковских ассигнаций и никоем случае не долженствует простираться в Нашем Государстве выше 100 миллионов рублей" (Миклашевский, 1895, с. 617). Впрочем, это царское слово не продержалось и 3 лет, так как государству опять понадобились деньги. "С 1786 г. ассигнации становятся нашим обычным финансовым ресурсом", – саркастически замечал А.Н. Миклашевский (Миклашевский, 1895, с. 575). Других таких ресурсов, как доходы бюджета, полученные от сбора налогов, или внешние займы, у правительства просто не было.

В том же 1786 г. была реформирована и банковская система: два разменных банка были объединены в один, названный Государственным ассигнационным банком. Этот новообразованный банк уже не занимался разменом ассигнаций на металлическую монету. В законе об образовании банков о размене вовсе не упоминается. Ассигнационный банк мог только выпускать в обращение новые бумажные деньги. Особо подчеркиваем, что речь шла не об эмиссии, а только о выпуске уже эмитированных ассигнаций. "Заготовление же ассигнаций предано в ведение государственного казначея" (Шторх, 1868, с. 37).

Вклады наличными деньгами были устранены из этого банка. Функции размена стали теперь прерогативой Государственного заемного банка. Ассигнационному банку были приданы дополнительные функции, например право чеканки монеты, для чего при банке был создан специальный монетный двор. Для чеканки требовались благородные металлы, и поэтому Ассигнационному банку было разрешено производить закупки золота и серебра за границей, а также медного сырья в России. Другой функцией, вмененной созданному банку, являлось дисконтирование или учет векселей и тому подобные операции. Иначе говоря, Ассигнационный банк стал обычным коммерческим банком. Все эти пертурбации в банковской сфере были связаны с тем, что государство подспудно готовилось к прекращению размена ассигнаций на наличную монету.

После массового выпуска ассигнаций в 1786 г. их курс поколебался и стал постепенно падать, что было неудивительно, учитывая огромный масштаб эмиссии. П.П. Мигулин отмечал по этому поводу, что "...падения не было бы вовсе или оно было бы не столь резко, несмотря на выпуск ассигнаций в суме и до 100 млн рублей, если бы этот выпуск был, как вначале предполагалось, употреблен преимущественно на производство краткосрочных коммерческих операций ассигнационного банка и долгосрочных банка заемного" (Мигулин, 1899, с. 24). Он говорил, что в этом случае вновь выпущенные ассигнации были бы связаны в коммерческих сделках и не вызвали бы переполнение каналов денежного обращения.

По мнению Мигулина, проблема заключалась, в том, что в то время стала набирать силу негативная тенденция, вызванная нецелым расходом кредитов. Полученные в ссуду бумажные деньги сразу вносились во вклады под проценты в Ассигнационный банк. Взамен таким вкладчикам выдавали вкладные билеты на получение вкладов до востребования, которые они, в свою очередь, ссужали торговцам под определенный процент. Последние использовали их для своих коммерческих операций как своеобразные векселя.

В результате выпущенные ассигнации накапливались в банках и не попадали в обращение, что, в свою очередь, вынуждало правительство прибегать к новой эмиссии. Мигулин указывал на то, что "...значительнейшая доля ассигнаций была назначена именно для подкрепления ресурсов государственного казначейства" (Мигулин, 1899, с. 24). Замечания о таком любопытном явлении в денежно-кредитной сфере времен Екатерины II очень интересны, только вряд ли этот аспект мог значительно влиять на объем эмиссии ассигнаций, хотя в какой-то мере зависимость существовала.

ВРЕМЯ ПАДЕНИЯ АССИГНАЦИЙ

Начиная с 1787 г. курс ассигнаций по отношению к серебряному рублю начал постепенно снижаться. Если быть точным, то курс ассигнаций стал падать позднее, начиная с 1788 г., иначе говоря, спустя год (с некоторым временным лагом) после того, как к существовавшим до этого момента в обращении 40 млн ассигнаций было добавлено еще 60 млн, и в сумме получилось 100 млн. Вслед за тем в два последующие года ассигнации потеряли около 9% своей стоимости. Когда в 1790 г. к 100 млн было прибавлено только 11 млн, они упали еще на 4%, и весь упадок составлял уже 13% (Сперанский, 1895, с. 11).

В качестве иллюстрации того, как росла бумажноденежная масса, можно привести таблицу, в которой прослеживается динамика выпуска ассигнаций с 1786 по 1810 гг. В табл. 2 отчетливо прослеживается нарастающая динамика ускорения эмиссии бумажных денег. Особенно значительный прирост бумажноденежной массы наблюдался в начале XIX в., т.е. во времена правления Павла I и войн в Европе с Наполеоном.

Таблица 2. Выпуск ассигнаций в период с 1786 по 1810 г., rubli

Год	Объем эмиссии нарастающим итогом	Прирост выпуска ассигнаций к предыдущему году	Год	Объем эмиссии нарастающим итогом	Прирост выпуска ассигнаций к предыдущему году
1785	40 000 000	—	1800	212 689 335	2 689 335
1786	100 000 000	60 000000	1801	221 488 335	8 799 000
1790	111 000 000	11 000 000	1802	230 464 425	8 976 090
1791	117 000 000	6 000 000	1803	247 624 665	17 160 240
1792	120 000 000	3 000 000	1804	260 658 550	13 033 885
1793	124 000 000	4 000 000	1805	292 199 110	31 513 560
1794	145 000 000	21 000 000	1806	319 239 960	27 040 850
1795	150 000 000	5 000 000	1807	382 329 505	63 089 545
1796	157 703 640	7 703 640	1808	477 368 580	95 039 075
1797	163 574 840	5 871 200	1809	533 201 300	55 832 720
1798	194 931 605	31 356 765	1810	577 000 000	43 798 700
1799	210 000 000	15 068 305			

Источник: рассчитано по (Гольдман, 1866, с. 25).

В свете приведенных данных, характеризующих динамику объема эмиссии бумажных денег, встает один важный вопрос: когда был прекращен размен ассигнаций на металлические деньги. Дело в том, что правительство, чтобы не вызывать в народе панических настроений, не могло официально объявить о прекращении размена. Поэтому многие исследователи проблем денежного обращения в России задавались вопросом о периодизации прекращения размена. Представляется, что вопрос можно поставить и шире, а был ли вообще размен, даже в благоприятные времена для русских ассигнаций.

Так, например, В. Гольдман считал, что размен "...был фактически прекращен еще прежде 1793 г., ибо около этого времени мы встречаем, что серебряный рубль стоил уже 1 рубль 45 копеек ассигнациями, а такой низкий курс был бы невозможен при постоянном размене" (Гольдман, 1866, с. 27). Того же мнения придерживался и М.И. Туган-Барановский. "Первоначально ассигнации разменивались на серебро, но уже в 1786 г. без особого гласного правительственного акта размен их на серебро был прекращен" (Туган-Барановский, 1998, с. 358). Другой известный русский экономист – П.А. Никольский – считал такую дату очень неточной и предлагал свой вариант сроков прекращения размена. В определении временных границ он был солидарен с Туган-Барановским. "Наше мнение, что размен на серебро прекратился вскоре после 1786 г., мы подтверждаем следующими доводами; во-первых, тем, что с 1787 г. курс ассигнационного рубля стал быстро падать; так, например, в 1788 г. за ассигнационный рубль во внутреннем обращении давали только 92,6 серебряные копейки; ясно, что, если бы ассигнации свободно обменивались на серебро, то такого курса не могло бы существовать" (Никольский, 1892, с. 185–186). Потому что, добавим от себя, это было бы невыгодно для владельцев денег. А.Н. Миклашевский был более пессимистичен в своих оценках временных границ прекращения размена ассигнаций. Он считал, что размен "...производился в весьма редких случаях и только до 1772 г., не далее..." (Миклашевский, 1895, с. 575).

Как видно из приведенных данных, реального размена ассигнаций на металлическую монету в России практически никогда не было. Это был устойчивый миф, который поддерживало правительство. Очевидно, что обещание размена имело сугубо декларативный характер. Главной целью таких обещаний является поддержание доверия населения к бумажной валюте. Судя по тому, что курс ассигнаций падал сравнительно плавно, несмотря на массивные вливания в народное хозяйство "пустых бумажек", население верило этим клятвенным заверениям.

К концу XVIII – началу XIX в. ситуация сложилась таким образом, что в денежной системе появились две денежные единицы: рубль серебряный и рубль ассигнационный. Таким образом, впервые в стране появилась *параллельная денежная система*. Правда, такая ситуация в денежном обращении России просуществовала недолго (Дубянский, 2012а).

Власти предпринимали определенные, как правило, паллиативные меры для стабилизации расстроенной денежной системы. Так, например, Павел I, наследовавший престол после смерти своей матери, принял решение восстановить размен ассигнаций на серебро. В сенатском указе от 18 декабря 1797 г. российский император повелел выделить значительные ресурсы драгоценных металлов и медных монет для выкупа ассигнаций у любого желающего произвести размен. Благодаря выходу этого законодательного акта курс ассигнаций сразу подскочил на 10%. Но такая благоприятная для российской бумажной валюты ситуация продолжалась всего несколько дней, так как запасы золота и серебра, выделенные на цели размена, были почти мгновенно потрачены и размен был прекращен. Мало того, что правительство фактически не сократило количество ассигнаций, оно было вынуждено еще больше нарастить денежную массу, которая "...увеличилась в 1799 г. до 210 000 000 рублей" (Печерин, 1896, с. 244). Курс ассигнаций в этом году буквально обвалился на 33% по сравнению с серебряным рублем.

Как было отмечено ранее, особенно сильно денежная масса нарастала в годы, предшествующие Отечественной войне 1812 г. Так, в 1810 г. сумма ассигнаций увеличилась до 575 510 900 рублей. Иначе говоря, за десять лет, т.е. начиная с 1800 г., количество бумажных денег в России возросло в 2,5 раза. Такие большие выпуски ассигнаций являлись следствием того, что Россия участвовала в коалиционных войнах против Франции. Присоединение России к континентальной блокаде, предусмотренное Тильзитским мирным договором в 1807 г., вызвало сокращение объемов внешней торговли со 120 млн до 83 млн рублей, так как был потерян главный внеш-

Таблица 3. Государственные расходы, доходы и дефицит бюджета в 1801–1809 гг., рубли

Годы	Расходы		Итого	Доходы по росписи	Недостатки доходов
	по росписи	сверх росписи			
1801	78 214 118	15 096 396	93 310 514	81 081 671	12 228 843
1802	75 480 853	18 712 715	94 193 569	77 163 555	17 030 014
1803	95 650 680	18 530 652	114 181 332	97 815 446	16 365 886
1804	98 650 575	21 906 580	120 557 155	101 256 790	19 300 365
1805	112 341 332	15 446 924	127 788 256	102 405 616	25 382 640
1806	108 529 460	18 452 153	126 981 613	103 082 320	23 899 293
1807	123 841 706	38 411 281	162 252 987	117 377 146	44 875 841
1808	134 905 470	109 845 410	244 750 880	118 449 918	126 300 962
1809	145 169 891	134 076 899	279 246 790	121 741 699	157 505 091

Источник: Печерин, 1896, с. 11.

неторговый партнер России – Англия (Орлов, 2005, с. 33). Этот дефицит денег мог быть компенсирован только за счет дополнительной эмиссии бумажных денег. К тому же, несмотря на заключение Тильзитского мира, Россия по-прежнему должна была готовиться к неизбежной в недалеком будущем войне с Наполеоном. Не надо забывать о том, что в рассматриваемый период Российская империя вела войны с Турцией, Швецией и Персией. В качестве иллюстрации можно привести поистине плачевное состояние бюджета России того периода, представленного в табл. 3.

Император Александр I и его правительство были озабочены тяжелым положением дел в денежном хозяйстве страны. Разработка мер, направленных на нормализацию российских финансов, была поручена М.М. Сперанскому, привлечшему для разработки плана финансовых преобразований лучших ученых того времени, таких как профессор М.А. Балугьянский, Ф.Г. Вирст. Собственно базой этого плана послужила записка М.А. Балугьянского на французском языке, которую Сперанский перевел, значительно переработал и дополнил своими предложениями. Затем проект еще раз был переработан, но уже в особом комитете Д.А. Гурьева – будущего министра финансов (Марней, 2009). Окончательный вариант плана финансов был представлен Государственному Совету Александром I на его первом заседании в день открытия 1 января 1810 г. этого нового для России государственного института.

В этом документе были разработаны жесткие меры по нормализации финансового положения страны. В русле реализации этого плана финансов в 1810 г. вышла серия указов, направленных на стабилизацию финансового положения.

Так, первым вышел Манифест 2 февраля 1810 г., который назывался “О мерах к уменьшению государственных долгов; о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнаций, и о возвышении некоторых пошлин и податей”. Мы специально привели полное название этого документа, потому что оно почти полно раскрывает его суть и предлагаемые мероприятия. Кроме того, в этом Манифесте государство признавало все выпущенные ассигнации государственным долгом: “Все государственные банковские ассигнации, ныне обращающиеся, признаются, так как и всегда они были признаваемы государственным долгом, обеспеченным на всех богатствах империи” (ПСЗРИ, Т. 31, № 24.116). В преамбуле этого Манифеста декларировалась идея о том, что сумма уже выпущенных ассигнаций является своего рода налогом, бремя которого должны нести в разной степени все слои русского общества. Далее делался вывод о том, что если сохранится такое положение дел, то финансовая система придет в полное расстройство, а значит, ее реформирование – насущная необходимость.

Меры, направленные на реформирование русских финансов, предлагались следующие. Во-первых, необходимо было сбалансировать государственный бюджет путем уменьшения его расходной части. Все расходные статьи должны были быть обеспечены соответствующими доходами. Во-вторых, предполагалось прекратить новые выпуски ассигнаций. Ведь именно путем эмиссии бумажных денег правительство финансировало дефицит государственного бюджета. Если бюджет сбалансирован, то, естественно, можно было декларировать отказ от новых выпусков ассигнаций. Все эти меры имели главную цель – укрепить курс русских бумажных денег вплоть до восстановления их нарицательной стоимости. Правительство хотело вернуть доверие населения к бумажной валюте.

Манифест 13 апреля 1810 г. провозгласил, что сумма 577 510 900 рублей не будет больше увеличена, а для округления было велено отказаться от суммы 510 900 рублей и оставить в обращении неизменную сумму – 577 000 000 рублей. Следующий указ, появившейся чуть позже, 27 мая 1810 г., предусматривал конкретные меры стабилизации финансового положения страны. Если конкретно, то целью этого документа являлось сокращение бумажноденежной массы. Для этого правительству требовались значительные средства, потому что уменьшать количество ассигнаций можно было только путем их выкупа у населения с последующим уничтожением последних. Выкуп бумажных денег логически вытекал из признания их государством своим долгом. В данном манифесте предлагались источники и способы получения необходимых для этих целей средств.

В качестве первой меры предлагалась продажа в течение пяти следующих лет различных видов государственного имущества, как-то: казенных лесов, оброчных статей, государственных имений. Впрочем, как отмечал П.А. Шторх, последующая практика распродажи государственно-го имущества себя не оправдала, так как принесла очень незначительные средства в казну. Мало того, по его словам, государство понесло значительный ущерб из-за продажи лучших доходных имений за бесценок с различными льготами и рассрочками (Шторх, 1868, с. 39).

В этом пакете указов был еще один важный закон. Он касался непосредственно принципов денежного обращения. Манифест был выпущен 20 июня 1810 г., “... он уничтожал ассигнационную монетную единицу и установил не переменяемую монетную единицу и законною мерою всех монет, обращающихся в государстве, серебряный рубль, сотня которого должна иметь вес 5 фунтов и 6 золотников лигатурного серебра 83,5 пробы” (Шторх, 1868, с. 39). Иначе говоря, в России юридически уничтожалась параллельная денежная система и восстанавливался серебряный монометаллизм (Дубянский, 2012б).

По мнению И.И. Кауфмана, этот Манифест представлял собой по сути первую попытку общения законов денежного обращения. Это единственное положительное качество, которое он заметил в этом законе. В целом же Илларион Игнатьевич Кауфман негативно оценивал законодательные инициативы М.М. Сперанского, считая, что “...нового в ней [попытке законодательного обобщения. – А.Д.] было очень немного, а то, что было ново, отличалось сбивчивостью и малою жизнеспособностью” (Кауфман, 1910, с. 179). Возможно, поэтому реформа русских финансов по Сперанскому не удалась.

Хотя на самом деле главной причиной неудач реформы можно, наверное, считать неудачное время ее проведения. Было очевидно, что война с Наполеоном неизбежна и, следовательно, предстоят крупные военные расходы, которые в российских условиях могли быть обеспечены только путем эмиссии ассигнаций. Наверное, Сперанский это понимал, но не стоит забывать, что он вынужден был действовать в условиях жесткой бюрократической конкуренции за влияние на императора Александра I и поэтому не мог ждать удобного момента для реализации своих реформаторских замыслов. Кстати, так уж совпало, что в опалу он попал как раз в марте 1812 г.

Впрочем, и вновь введенный серебряный монометаллизм просуществовал непродолжительное время. Главной причиной провала реформ Сперанского стала Отечественная война 1812 г. Во время войны для покрытия военных расходов правительство вынуждено было выпустить слишком много бумажных денег. Таким образом, властям пришлось вынужденно отказаться от запрета эмиссии новых ассигнаций. “Действительно, с 1811 по 1816 год выпущено ассигнаций на 259 млн рублей” (Шторх, 1868, с. 40). В общем, можно сказать, что военная кампания 1812 г. свела на нет всю программу финансовой стабилизации 1810 г. Из-за войны ассигнации вновь

воскресли, как феникс из пепла. Они опять стали нужны правительству для решения многочисленных финансовых проблем. Одной из этих была выплата жалования войскам. Серебра на эти цели в казне, как обычно, не хватало. Кроме того, необходимо было производить закупки вооружений, провианта, фуража и т.д.

Когда русская армия отправилась в заграничный поход, возникла еще одна проблема, связанная с денежным обращением. Она сводилась к тому, какими деньгами выплачивать денежное довольствие войскам. Серебра в казне, как мы знаем, хронически не хватало, в качестве возможной альтернативы оставались только ассигнации. Проблема заключалась в том, что российское правительство категорически запрещало вывозить ассигнации за рубеж. Этот запрет в различных вариациях кочевал из указа в указ, посвященных ассигнациям. Чем это можно объяснить?

Во-первых, по версии официальных властей, для того чтобы избежать массового производства фальшивых денег за границей. Как уже отмечалось, русские ассигнации были очень просто оформлены и практически никак не были защищены от нелегального копирования. Во-вторых, государство, вечно нуждавшееся в средствах, не желало, чтобы в оплату за русские товары вместо иностранной валюты за границей военные расплачивались бы российскими же ассигнациями. Эта последняя причина, вероятно, была главной, хотя в официальных документах упор всегда делался на первую.

Так как жалование войскам выплачивалось ассигнациями, то правительству ничего не оставалось делать, как в качестве исключения разрешить хождение русских бумажных денег на территории Пруссии, в герцогстве Варшавском, германских княжествах, а затем и во Франции. Так, например, были открыты конторы ассигнационного банка в Кенигсберге, Берлине и других городах, через которые проходили коммуникации русской армии. В этих конторах можно было обменять ассигнации на местные валюты по уставленному русским правительством курсу. “По составленной табели рубль серебром оценен в 1 талер 6 грошей $16 \frac{7}{8}$ пфеннигов; пятирублевая ассигнация – в 1 талер 31 грош $3 \frac{3}{12}$ пфеннигов; прочие ассигнации – соответственно их достоинству, считая рубль серебром в 4 рубля ассигнациями” (Шторх, 1868, с. 40).

В силу приведенных выше обстоятельств правительство было вынуждено восстановить в прежних правах отставленные были ассигнации. Иначе говоря, ассигнации вернулись в денежный оборот, что называется, явочным порядком.

Этот свершившийся факт был оформлен Манифестом 9 апреля 1812 г., который гласил, что все платежи должны проводиться на территории империи ассигнациями. Таким образом, этот Манифест декларировал ассигнации законным платежным средством. Ассигнации стали теперь обязательными в расчетах не только с государством, но и между частными лицами. Все казенные платежи производились ассигнациями по биржевому курсу. “При уплате казенных долгов частным лицам предписано рассчитываться по курсу дня: для казенных недоимок по 2 руб. ассигнациями за 1 руб. серебром, а по некоторым казенным доходам по 3 руб. ассигнациями за 1 руб. серебром” (Лебедев, 1899, с. 47). Иначе говоря, в стране был введен принудительный курс для ассигнаций, что является главным признаком неразменных бумажных денег.

Главная цель, которую при этом преследовало правительство, поддержать падающий курс русских бумажных денег и вернуть доверие населения к бумажной валюте. При этом власти упомянутым Манифестом юридически закрепляли фактическое возвращение ассигнаций в денежный оборот.

Правда, исследователи этого вопроса не были согласны с тем, что данный Манифест установил принудительный курс ассигнаций. Так, например, А.Н. Миклашевский считал, что «под принудительным курсом “по рыночной ценности” следует разуметь такую цену ассигнаций, которая была бы установлена раз навсегда и по которой прием ассигнаций был бы для всех равно обязательным» (Миклашевский, 1895, с. 583). Кстати, М.И. Туган-Барановский также высказывал сомнения в существовании принудительного курса ассигнаций. “Они имели формально и принудительный курс, но так как этот принудительный курс был не чем иным, как курсом, соответствующим свободному биржевому курсу, то элемента принуждения в данном случае почти не было ...” (Туган-Барановский, 1998, с. 359). Из приведенных высказываний видно, что аргументация против принудительного курса и у Миклашевского, и Туган-Барановского имеет много общего.

Действительно, в этом документе ни о каком равенстве речь не идет: для государства курс фиксирован (правда, на двух разных уровнях), а для частных лиц – он плавающий, биржевой. “Указ создавал, – по мнению Миклашевского, – среднее и изменчивое, надо полагать, чрезвычайно выгодное положение, как для правительства, так для государства” (Миклашевский, 1895, с. 583). Он называл Указ “образчиком финансового оппортунизма”. Потому что государство в результате выигрывало в том, что могло больше не опасаться ответственности за возможное обесценение капиталов в стране. Так как при относительной фиксации курса ассигнаций не возникало проблем его падения по отношению к серебряной монете, в которой хранились капиталы.

Правительство путем фиксированного курса для податей в итоге получало своеобразный “иммунитет” от обесценения бюджетных доходов. Дело в том, что прежде ассигнации принимались в уплату государственных податей по номинальному курсу, что, конечно же, обесценивало поток денежных доходов государства. Налицо наблюдался так называемый “эффект бумеранга”. Государство бюджетные доходы “...с тех пор стало исчислять на серебряные рубли, переводя их, уже при поступлении, на ассигнации по существующему курсу” (Гольдман, 1866, с. 50).

Проигравшей стороной в результате этих законодательных новаций Миклашевский считал частных лиц (в первую очередь купцов, крестьян), которые между собой рассчитывались по рыночному, плавающему курсу любой валютой, или ассигнациями, или серебром, а налоги они должны были платить только ассигнациями. В результате в России со временем появился простонародный лаж¹. В общем эта ситуация очень напоминает положение дел в российской экономике начала 1990-х годов, когда в ней тоже существовала множественность валютных курсов. Ни к чему хорошему такая множественность курсов экономику не привела ни в XIX, ни в XX в.

В итоге, можно сказать, что ассигнации эволюционировали из эмбриональных и неполноценных в полноценные бумажные деньги. Эти бумажные деньги были по-прежнему неразменными и находились в обращении наравне с законной денежной единицей, серебряным рублем. В России снова появились параллельные деньги, и на сей раз – надолго. Проблема параллельных денег является интересным вопросом, который был рассмотрен в других работах автора (Дубянский, 2004).

ВРЕМЯ ПОВЫШЕНИЯ КУРСА АССИГНАЦИЙ

После Отечественной войны 1812 г. правительство возобновило попытки стабилизации финансов. При этом оно придерживалось прежней идеологии, предложенной еще накануне войны М.М. Сперанским. В рамках этих стабилизационных мер 16 апреля 1817 г. был принят Манифест, согласно которому требовалось изымать ассигнации из обращения и уничтожать, пока их курс не вернулся бы к паритету с серебряным рублем (рис. 4). В том же году был создан Совет государственных кредитных установлений, который должен был рассматривать предложения и проекты, касающиеся государственного кредита, а также проверять деятельность кредитных организаций. Кроме того, была утверждена государственная долговая книга. В рамках этих мероприятий было определено, что считать государственным долгом, а именно: процентным долгом считались облигации и приравненные к ним государственные долговые ценные бумаги, к беспроцентным долгам были отнесены ассигнации (ПСЗРИ, Т. 34, № 26.834). Благодаря действиям правительства или же по другим причинам курс ассигнаций стал неуклонно повышаться, начиная с 1817 г. и вплоть до 1840 г., т.е. до прекращения их хождения в денежном обороте страны.

В этом указе главным образом шла речь о том, какие суммы должны быть изысканы для выкупа ассигнаций и каким путем это должно было быть сделано. Так, предусматривалось, что

¹ Термин *лаж* ведет свое происхождение от итальянского слова *aggio* и означает превышение рыночной цены валютных курсов, драгоценных металлов, векселей и других ценных бумаг над установленным номиналом. “Простонародные лажи” – исключительно русский феномен, возникший в стране в период параллельного обращения серебряного рубля и ассигнаций. Представляли они стихийно складывающееся превышение курса ассигнаций над серебряным рублем в разных губерниях страны. Из-за курсовой неустойчивости, порожденной отсутствием фиксированного курса серебряного рубля и ассигнаций, расчет *лажа* производился буквально по каждой сделке, поэтому требовалось каким-то образом стабилизировать цены на товары и услуги. Эта стабилизация осуществлялась при помощи *лажей*, рожденных инициативой снизу. Определение “простонародные” не следует понимать буквально, правильнее трактовать их как обыденные или частные, так как возникали они в торговле между частными лицами.

Рис. 4. Ассигнация образца 1821 г.

ежегодно на эти цели в бюджете должны резервироваться 30 млн рублей. Источники средств предлагались следующие: доходы от продажи государственных имуществ; возможный профицит бюджета и суммы, оставшиеся после уплаты внешних и внутренних долгов.

Основные средства правительство намеревалось получить путем займов, которые предполагалось размещать как среди российских граждан, так и иностранцев. Первый выпуск 6%-ного займа был осуществлен 1 июля 1817 г. Он принес в государственную казну 33 035 851 рублей ассигнациями, 298 960 серебряных рублей и 17 320 золотых (Шторх, 1868, с. 41). Взамен внесенных средств вкладчик получал билет [облигацию. – А.Д.] на сумму больше его вклада и делал соответствующую запись о вкладе в государственной долговой книге. Так, например, если клиент вносил 1000 рублей ассигнациями, то на его счету учитывалось 1200 рублей. Если же вклад делался звонкой монетой, т.е. золотом и серебром, то в этом случае на каждые 85 рублей премия составляла 15 рублей – естественно причитающиеся проценты. То есть каждый вкладчик получал своеобразную премию к 6% ежегодного дохода. Естественно, что размещение займа происходило очень успешно, так как каждый вкладчик получал на свой вклад больше 6% процентов дохода.

Затем в течение года также успешно были размещены еще два займа, за счет которых был полностью покрыт дефицит государственного казначейства. Самым же успешным в тот период был четвертый заем, начало размещения которого относится также на 1 июля, но 1818 г., который уже принес государству 80 535 300 рублей ассигнациями, 19 000 серебром и 3300 золотом (Шторх, 1868, с. 41). Из приведенных данных видно, что население неохотно расставалось со звонкой монетой, ссужая государству в основном ассигнации, а также билеты Заемного и Коммерческого банка. Последний был открыт в 1818 г. для кредитования купечества, но, несмотря на название, находился под патронажем государства. Кроме того, правительство разместило в это же время два зарубежных 5%-ных займа.

В итоге, мы видим, что в двадцатые годы XIX в. в России сложились институты контроля и система обслуживания государственного долга. В это же время в стране сформировался довольно большой внутренний и внешний государственный долг.

В 1819 г. правительство приняло решение ввести в обращение ассигнации нового образца взамен прежних, морально устаревших. Новые купюры были изготовлены на бумаге лучшего качества и с более высокой степенью защиты от подделок. Эти ассигнации имели достоинство в 200; 100; 50; 25; 10 и 5 рублей. Обмен новых денежных единиц на старые начался 1 июля 1819 г. и продолжался два года. Настоятельность этой меры стала еще более насущной в связи с наплывом большого количества фальшивых бумажных денег во время нашествия Наполеона. В Варшаве работала типография, наводнявшая фальшивыми деньгами Россию и Австрию. Целью фальшивомонетчиков был подрыв денежной системы страны и экономики в целом. Вот, например, данные Ассигнационного банка об изъятии фальшивых ассигнаций за послевоенные годы (табл. 4).

Таблица 4. Изъятие фальшивых ассигнаций

Год	Количество ассигнаций, рубли
1813	987 330
1814	2 830 655
1815	883 965
1816	626 450
1817	285 980
Итого	5 614 380

Источник: рассчитано по (Печерину, 1896, с. 263).

Во время обмена ассигнаций старого образца на новые купюры было выявлено очень мало фальшивых денег. П.А. Шторх приводит несколько иные данные о количестве фальшивых ассигнаций. “В течение этого времени представлено поддельных ассигнаций на 6 794 520 рублей (0,86%), которые все без исключения были уплачены. С другой стороны не предъявлено ассигнаций прежнего образца на 10 940 510 рублей, т.е. 1,3% всей их массы” (Шторх, 1868, с. 44–45). Хотя есть и другие мнения по поводу количества фальшивых ассигнаций. Так, например, Г.Н. Польской в своей книге “*Тайны монетного двора*”, где он прослеживает историю фальшивомонетчества в различных странах, утверждает, что после войны 1812 г. было выявлено фальшивых денег на 70 000 000 рублей (Польской, 1996, с. 53). Правда, автор книги не приводит ссылок на источники, из которых он взял сумму фальшивых денег. На наш взгляд, эта сумма явно завышена. Более реальны все-таки цифры из официальных данных, позволяющие определить объем фальшивых денег в 12 408 900 рублей. Так что мифы об огромном количестве фальшивых денег, наводнивших страну после нашествия Наполеона, несостоятельны. Интересная работа по этому вопросу есть у известного ученого, занимавшегося этим периодом русской истории (Марней, 2012).

В ходе дальнейших правительственных мероприятий, связанных со стабилизацией денежного обращения, объем бумажной денежной массы был сокращен с 836 млн рублей в 1817 г. до 595,8 млн рублей в 1823 г. Правда, эти меры мало способствовали повышению курса ассигнационного рубля по отношению к серебряному. Так, в 1817 г. за 1 рубль серебром давали 3,84 рублей ассигнациями, а в 1823 г. курс был уже 3,73 (Бржеский, 1884, с. 5). Правда, затем курс ассигнаций по отношению к серебру стал расти, и появились *простонародные лажи*, но это – тема отдельного исследования. В том же году министром финансов был назначен Е.Ф. Канкрин, который формально стал “могильщиком” ассигнаций, но случилось это только 17 лет спустя, когда в ходе реформы, названной его именем, ассигнации прекратили свое существование.

РОЛЬ АССИГНАЦИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

В целом выпуск ассигнаций в России и бумажноденежные проекты в других странах имели много схожего. Русские бумажные деньги почти ничем не отличались, например, от австрийских банкнотеттелей. Вместе с тем у них были особенности, отличавшие их от других бумажных денег.

Первая особенность заключается в том, что в России бумажные деньги появились для облегчения денежного обращения, а не в сугубо фискальных целях, как в большинстве других стран. Ассигнации вводились как *дополнительное средство* обращения – в “помощь” обращающимся медным и серебряным деньгам. Данный тезис подтверждается тем фактом, что предварительно

был осуществлен вексельный проект, направленный на облегчение денежного обращения в стране. Ассигнации появились как его логическое продолжение и как более совершенная и удобная форма векселей, облегчавшая торговые отношения в стране.

Другой особенностью бумажных денег в России и, безусловно, их главной позитивной чертой можно считать то, что они служили практически единственным источником денежных средств для российского государства. Известный русский экономист XIX в. Н.С. Мордвинов, как и ряд других ученых, специально отмечал это обстоятельство: “Но какими сокровищами Екатерина Великая столь много сделала в России, благоустроила все и повсюду, присоединила к древнему достоянию новые и великие земли и вела войны многие и долголетние, если б не обрела способов от введения в оную бумажной монеты” (Мордвинов, 1945, с. 147). Далее Н.С. Мордвинов делает вывод о значении ассигнаций в экономической истории России: “Ассигнации учинились орудием великих ее дел. Без оных многое во благо империи не могло бы совершиться, и мы к благотворениям ее должны с благоговением быть признательны” (Мордвинов, 1945, с. 147).

Подобная точка зрения была характерна для многих ученых. “Россия пользовалась бумажными деньгами для ведения почти всех больших войн со времени введения бумажных ассигнаций...”, – писал, например, А. Гурьев (Гурьев, 1896, с. 225). По мнению П.А. Шторха, “ассигнации принесли также много пользы и мирным занятиям: торговле, промышленности, земледелию и благотворительности” (Шторх, 1868, с. 32). Этот ресурс бумажной валюты использовался и для создания общероссийского рынка. Только с помощью бумажных ассигнаций в стране начали устанавливаться цивилизованные торговые связи и денежное обращение. Это связано с тем, что бумажные деньги в отличие от металлических требуют организации банковского дела и развития каналов денежного обращения. Собственно банки в России и появились в период господства бумажных денег. “Эти хорошие стороны наших прежних ассигнаций заставляют забыть о бедствиях их падения и о трудных испытаниях, которым от того подвергалось население России” (Шторх, 1868, с. 32).

Кроме приведенных положительных сторон русских ассигнаций, было еще одно благоприятное последствие их обращения. Как известно, инфляция обесценивает бюджетные доходы, вынуждая правительства повышать налоги. Повышались они и во времена царствования Екатерины II. Однако, по подсчетам современного западного историка А. Кахана, повышение подушной подати, идущей в доход казны, и оброка, который получали помещики, следует корректировать с учетом обесценения ассигнационного рубля. “Так, подушная подать в размере 70 копеек в 30-е гг. XVIII в. в 90-е гг., по сути дела, превратилась в 16,8 копейки. Реальная тяжесть налогообложения, лежащая на помещицьем крестьянине, при такой корректировке составляла (принимая за 100% размер подушной подати 30-х гг.) в 60-е годы XVIII в. – 81,3%, в 80-е годы – 79,6%, а в 90-е годы – 77,7%” (Kahan, 1966, p. 65). Таким образом, получается, что инфляция, вызванная обесценением ассигнаций, косвенно способствовала повышению благосостояния податного населения страны. На этот факт мало обращалось внимания, но государство в рассматриваемый период еще не умело компенсировать издержки инфляции, обесценивающие доходы казны. В настоящее время правительства всех стран прибегают к повышению налоговых ставок, чтобы нейтрализовать обесценивание государственных доходов, вызванное инфляцией, еще более усиливая рост цен (Дроздов, Шопенко, 2003).

В целом, несмотря на присущие бумажным деньгам недостатки, можно заключить, что русские ассигнации за всю свою “славную историю” сослужили хорошую службу российскому государству. Они были практически единственным финансовым ресурсом, с помощью которого обеспечивалось функционирование народного хозяйства и государственного аппарата. Кроме того, инфляционное обесценение бумажных денег приводило к ослаблению налоговой нагрузки на податное сословие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бржеский Н.К.** (1884). Государственные долги России. СПб.
- Гольдман В.К.** (1866). Русские бумажные деньги. Русские бумажные деньги: финансово-исторический очерк с обращением особенного внимания на настоящее финансовое затруднение России. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера.
- Гурьев А.Н.** (1896). Реформа денежного обращения. Вып. 1. Часть 2. СПб.
- Дроздов О.А.** (2008). Оценки социально-экономических последствий инфляции в российской экономической литературе 60 – середины 90-х гг. XIX в. // *Вестн. Ленинградского гос. ун-та имени А.С. Пушкина*. Серия: Экономика. № 4. С. 5–25.
- Дроздов О.А.** (2010). Оценки социально-экономических последствий инфляции в российской экономической литературе 60 – середины 90-х гг. XIX в. (Продолжение) // *Вестн. Ленинградского гос. ун-та имени А.С. Пушкина*. Серия: Экономика. № 3. Т. 6. С. 27–38.
- Дроздов О.А., Шопенко В.Д.** (2003). Теории денег в России (60-е – середина 90-х гг. XIX в.). *Министерство образования РФ, Санкт-Петербургский гос. инженерно-экономический ун-т*. СПб.
- Дубянский А.Н.** (2004). Проблема параллельных денег в Российской империи. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Дубянский А.Н.** (2012а). Простонародные лажи в денежном обращении России в начале XIX века // *ЭКО*. № 10. С. 179–188.
- Дубянский А.Н.** (2012б). Финансовая реформа в России в начале XIX века // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 5. Выпуск 2. С. 91–98.
- Дубянский А.Н.** (2013). Категория параллельных денег в русской экономической литературе XIX–XX веков // *Вопросы экономики*. № 7. С. 111–123.
- Кауфман И.И.** (1910). Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб.
- Куломзин А.Н.** (1866). Ассигнации в царствование Екатерины II // *Русский вестник*. № 5.
- Лебедев В.А.** (1889). Бумажные деньги. Речь, читанная на акте Императорского Санкт-Петербургского университета. 8 февраля 1889 г. СПб.
- Мадариага И. де** (2002). Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение.
- Марней Л.П.** (2012). Из истории наполеоновских подделок русских ассигнаций в начале XIX века // *Славяноведение*. № 6.
- Марней Л.П.** (2009). Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М.: Индрик.
- Мартынов А.Г., Чуднов И.А.** (2010). Денежная реформа просвещенного века. К 240-летию бумажно-денежного обращения в России // *ЭКО*. № 6. С. 163–175.
- Миклашевский А.Н.** (1895). Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса. М.
- Мигулин П.П.** (1899). Русский государственный кредит. Т. 1. Харьков.
- Мордвинов А.С.** (1945). Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков. В собр. соч.: *“Мордвинов Н.С. Избранные произведения”*. М.: Госполитиздат.
- Никольский П.А.** (1892). Бумажные деньги в России. Казань: Типография Императорского ун-та.
- Орлов А.А.** (2005). Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция.
- Польской Г.Н.** (1996). Тайны “монетного двора” М.: Финансы и статистика.
- Печерин Я.И.** (1896). Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб.
- ПСЗРИ** (1830). Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. (в 45 томах) / Под руководством М.М. Сперанского. Т. 15, № 11.550; Т. 18, № 13.219, 13.220; Т. 19, № 13.403; Т. 22, № 16.407; Т. 22, № 16.408, № 16.481; Т. 31, № 24.116; Т. 34, № 26.834. [Электронный ресурс] Проект “РУНИВЕРС”. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/2011112193618/runivers.ru/lib/book3130/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: февраль 2014).
- Сперанский М.М.** (1895). Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. СПб.

- Туган-Барановский М.И.** (1998). Бумажные деньги и металл. В “*М.И. Туган-Барановский. Экономические очерки*”. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Фалькнер С.А.** (1919). Бумажные деньги французской революции (1789–1797). М.: Издание редакционно-издательского отдела ВСНХ.
- Чечулин Н.Д.** (1906). Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб.: Сенатская типография.
- Шторх П.А.** (1868). Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год. СПб.
- Kahan A.** (1966). The Cost of Westernization in Russia: the Gentry and the Economy in XVIIIth Century Russia // *Slavic review*. Vol. XXV. № 1. P. 65 / Цит. по: Мадариага Исабель де (2002). Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение.

Поступила в редакцию
20.11.2013 г.

Brief Outline of the History of Russian Assignation

A.N. Dubyansky

The article deals with the complex and controversial history of first Russian paper money – assignation. They have operated in the Russian economy over 70 years since 1769 and until 1843, and made a significant contribution to its development. Assignation throughout his stories were practically the only resource for the financing of economic development of the Russian state. Thanks assignациям Russia has essentially become the first European country to use the possibilities of paper money at the decision of problems of public Finance. The author also reveals the positive and negative sides of the first Russian paper money.

Keywords: assignation, Russian ruble, paper money, G.F. Cankrin, Catherine II, M.M. Speransky.

JEL Classification: N10, N13, N23.